

Функции авторского курсива в романе Л. Толстого «Анна Каренина»

И.В. Высоцкая
НОВОСИБИРСК

Отправным пунктом исследования является известное положение М.М. Бахтина: наиболее важное в жизни человека происходит в моменты «несовпадения с собой», раздвоенности, нецелостности, в моменты внутреннего диалога. Предмет настоящей работы – функции авторского курсива в романе Л. Толстого «Анна Каренина», прежде всего – во «внутреннем диалоге» главной героини¹.

Хотя М.М. Бахтин противопоставляет диалогичность романов Ф. Достоевского «системно-монологической, хотя бы и диалектической, философской завершенности»² романов Л. Толстого, однако «диалог противоборствующих правд» присущ и толстовским героям. Так, душевное состояние Анны Карениной сродни переживаниям Настасьи Филипповны, чей голос «раскололся на голос, признающий ее виновной, “падшей женщиной”, и на голос, оправдывающий и приемлющий ее»³. По словам М.М. Бахтина, речи героини Ф. Достоевского полны «перебойным сочетанием этих двух голосов»: «то преобладает один, то другой, но ни один не может до конца победить другой»⁴. Героиня Л. Толстого, заглушив один из голосов, отказывается от мужа и сына, выбирая Вронского и вступая тем самым на путь, приведший к трагической развязке.

© И.В. Высоцкая

¹ «Контур» исследования авторского курсива обозначились еще в рамках дипломного проекта «Философия и психология любви в художественно-этической системе Л.Н. Толстого» (1986 г.), над которым я работала под руководством Нины Елисеевны Меднис.

² Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 2. М., 2000. С. 40.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же.

Этому выбору предшествовала, однако, напряженная внутренняя борьба. «Сплошь диалогизованная» жизнь Анны Карениной мучительна. Диссонанс, внутренний разлад, основанный на глубинных личностных переживаниях, проявляется на разных уровнях текста: как в авторском повествовании, так и в речи героини (речи внешней и внутренней).

«Раздвоенность» героини отмечается автором прямо:

«Два человека, муж и любовник были для нее двумя центрами жизни, и без помощи внешних чувств она чувствовала их близость» (8, 2, XXVIII, с. 220)⁵.

Между этими двумя «центрами» разворачивается трагедия Анны:

«Она чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса пред этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опошлять это чувство неточными словами. Но и после, и на другой, и на третий день, она не только не нашла слов, которыми бы она могла выразить всю сложность этих чувств, но не находила и мыслей, которыми бы она сама с собой могла обдумать все, что было в ее душе» (8, 2, XI, с. 160).

Противоречия пронизывают сферы сознательного и бессознательного:

«Но это спокойствие для мыслей никогда не наступало <...>

Зато во сне, когда она не имела власти над своими мыслями. Ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. Одно сновиденье почти каждую ночь посещало ее. Ей снилось. Что оба вместе были ее мужа, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновиденье, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом» (8, 2, XI, с. 161).

Амбивалентность⁶ мыслей и чувств становится вполне привычной:

«Когда бы, в какую минуту ни спросили бы ее, о чем она думала, она без ошибки могла ответить: об одном, о своем счастье и о своем несчастье» (8, 2, XXII, с. 199).

Внутренняя борьба Анны заметна и окружающим. Одним из первых «двойственность» любимой женщины увидел Вронский:

«Вронский уже несколько раз пытался, хотя и не так решительно, как теперь, наводить ее на обсуждение своего положения и каждый раз сталкивался с тою поверхностью и легкостью суждений, с которою она теперь отвечала на его вызов. Как будто было что-то в этом такое, чего она не могла или не хотела уяснить себе, как будто, как только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то в себя и выступала другая, странная, чуждая

---

⁵ Цит. по изданию: Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т. 8–9 (в скобках указывается номер тома, части, главы, страницы).

⁶ По мнению В.И. Тюпы, происходит раздвоение существования Анны на ролевое и внеролевое. См.: Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М., 2006. С. 145.

ему женщина, которой он не любил и боялся и которая давала ему отпор» (8, 2, XXIII, с. 201).

Роман с Алексеем Вронским разрушает гармонию существования Анны. Спокойствие сменяется смятением, цельность внутреннего мира – напряженным диалогом с самой собой:

«Хотя Анна упорно и с озлоблением противоречила Вронскому, когда он говорил ей, что положение ее невозможно, и уговаривал ее открыть все мужу, в глубине души она считала свое положение ложным, нечестным и всею душой желала изменить его. Возвращаясь с мужем со скачек, в минуту волнения она выказала ему все; несмотря на боль, испытанную ею при этом, она была рада этому. После того как муж оставил ее, она говорила себе, что она рада, что теперь все определится, и по крайней мере не будет лжи и обмана» (8, 3, XV, с. 305);

«Когда она проснулась на другое утро, первое, что представилось ей, были слова, которые она сказала мужу, и слова эти ей показались так ужасны, что она не могла понять теперь, как она могла решиться произнести эти странные грубые слова, и не могла представить себе того, что из этого выйдет» (8, 3, XV, с. 306).

Полифония, свидетельствующая о дисгармонии, как было показано выше, выражается разными средствами. По М.М. Бахтину, «одни слова прямо и открыто причастны внутреннему диалогу героя, другие – потенциально...»⁷.

Каренин и Вронский носят одно и то же имя. Анна сама говорит об этом: «...Какая странная ужасная судьба, что оба Алексеи, не правда ли?» (8, 4, XVII, с. 436).

Ключевое слово здесь – *оба*. Странность – не в имени *Алексей*, а в том, что их двое, в совпадении имен.

Отметим возможность маркирования «внутреннего диалога» с помощью паралингвистических языковых средств, а именно – курсивного выделения местоимений 3-го лица. Но прежде – несколько слов о способности развития у местоимений ситуативных значений.

Класс местоимений отличает абстрактность значения. Однако об их «бескачественности» можно говорить только в точки зрения языка. Совсем иначе дело обстоит с употреблением местоимений в конкретной ситуации, где они становятся вполне определенными словами, и «смысловая всеобщность» обращается «речевой переменчивостью».

Анализ «речевого поведения» местоимений *он* и *она* позволяет сделать вывод об их способности развивать ряд ситуативных значений за счет лексикализации граммем⁸.

В системе личных местоимений только местоимения 3-го лица изменяются по родам и актуализируют «гендерное» начало на фоне весьма абстракт-

⁷ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 2. М., 2000. С. 151.

⁸ См. примеры лексикализации и комментарии к ним: Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. С. 202–205; Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 71–75.

ных *я* и *ты*. Естественна поэтому «эксплуатация» мужского и женского начала в местоимениях мужского и женского рода. Кроме указания на родовую принадлежность, в ситуативных значениях местоимения может актуализироваться и значение единичности, избранности, значимости. Отнесенность к лицу, не участвующему в разговоре (третьему), обуславливает развитие семантики отчуждения, появление у слова негативных коннотативных компонентов. Не лишне вспомнить, что, личное местоимение 3-го лица заменяло прямую номинацию нечистой силы⁹: это, по народному поверью, уберегало беды. Таким образом, на основе грамматических значений формируются различные ситуативные значения: грамматическая категория рода обуславливает различные семантические значения семантического компонента ‘мужчина / женщина’, категория числа – семы ‘важный / важная’, категория лица – семы ‘чужой / чужая’. Кроме того, местоименное обозначение лица всегда остается языковой «маской», которая скрывает настоящее имя или статус.

В меняющемся конкретном содержании местоимения *он* может быть актуализирована одна из трех указанных сем или представлен их «сплав» (так, значение ‘возлюбленный, герой романа, суженый’ совмещает семантические компоненты отнесенности к мужскому полу и значимости). Лексикализация местоимения может рассматриваться как ступень субстантивации.

Обратимся к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Уже на первых его страницах встречается выделенное авторским курсивом местоимение *она* – применительно к француженке-гувернантке, с которой состоял в связи Степан Аркадьевич Облонский. Именно так, предельно обезличенно, называют гувернантку сам Облонский (1), его жена Дарья Александровна (2) и его сестра Анна Аркадьевна (3), приехавшая мирить супругов:

(1) «Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! – твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать. – И как хорошо все это было до этого. Как мы хорошо жили! Она была довольна, счастлива детьми, я не мешал ей ни в чем, предоставлял ей возиться с детьми, с хозяйством, как она хотела. Правда, нехорошо, что *она* была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! Есть что-то тривиальное, пошрое в ухаживанье за своею гувернанткой...»¹⁰ (8, 1, II, с. 8);

(2) «Уехал! Но чем же кончил он с *ней*? – думала она. – Неужели он видит ее? Зачем я не спросила его?...» (8, 1, IV, с. 18);

(3) «Я больше тебя знаю свет, – сказала она. – Я знаю этих людей, как Стива, как они смотрят на это. Ты говоришь, что он с *ней* говорил о тебе. Этого не было. Эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена – это для них святыня...» (8, 1, XIX, с. 78).

В размышлениях Облонского личное местоимение *она* относится сначала к жене (*Она была довольна, счастлива детьми...*), затем к любовнице (*Правда, нехорошо, что она была гувернанткой у нас в доме*). Во втором случае появляется курсивное выделение. В этом случае курсив может служить сигналом о начале «внутреннего диалога» героя, во всяком случае, он выделяет один из двух предметов мысли.

⁹ Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989. С. 207.

¹⁰ Здесь и далее воспроизведен авторский курсив Л. Толстого.

Местоимение подчеркивает неопределенность положения, некую «чужеродность» и вместе с тем – это фигура умолчания, своего рода эвфемизм, позволяющая избежать «скандального» обозначения женщины, состоящей в незаконной связи.

Местоимение *он* применительно к законному супругу, вместо слова *муж*, подчеркивает, на наш взгляд, определенную отстраненность, отчужденность от него говорящей:

«И баронесса, не отпуская Вронского, стала ему рассказывать, пересыпая шутками, свои последние планы жизни и спрашивать его совета.

– Он все еще не хочет давать мне развода! Ну что же мне делать? (*Он* был муж ее.) Я теперь хочу процесс начинать. Как вы мне посоветуете?» (8, 1, XXXIV, с. 123).

Важен метатекстовый комментарий автора: в скобки заключена вставная конструкция, содержащая необходимые пояснения к реплике баронессы.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что личное местоимение 3-го лица, выделенное авторским курсивом, в контексте романа Л. Толстого «Анна Каренина» развивает ситуативное значение с актуализированным семантическим компонентом ‘чужой’. С учетом этого проанализируем употребление местоимения *он* во «внутреннем диалоге» Анны Карениной. Авторский курсив (едва заметный внимательному читателю авторский акцент) не просто маркирует «внутренний диалог», но и позволяет выразить динамику внутренней борьбы, разобраться в мучительном «двухголосье».

Во внутреннем диалоге Анны местоимение *он* соединяет в своем речевом значении разные семантические компоненты, выражая неопределенность, мужское начало, значимость и «инородность». Совмещение этих сем формирует ситуативное значение слова. Его «необычность», семантическая нагруженность, подчеркнута графически, курсивом, с тем, чтобы отличить это неоднозначное обозначение от обычного местоимения *он*.

Сопоставим несколько фрагментов романа, передающих внешнюю и внутреннюю речь героини. В каждом из них выделенное авторским курсивом местоимение *он* заменяет то Каренина, то Вронского – в зависимости от того, в «поле притяжения» какого «центра» попадает героиня и какой из ее внутренних голосов (оправдывающий или осуждающий ее чувство) слышится отчетливее. Таким образом, можно говорить о прямой и открытой причастности этого местоимения внутреннему диалогу Анны¹¹.

В истории метаний толстовской героини можно выделить, по меньшей мере, два этапа: I – между Карениным и Вронским; II – с Вронским.

---

¹¹ См.: Высоцкая И.В. Местоимение *он* во «внутреннем диалоге»: контаминация значений (по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // Толстовский сборник – 2003. Л.Н. Толстой и судьбы современной цивилизации. Материалы XXIX Международных Толстовских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения Л.Н. Толстого: В 2 ч. Ч. 1. Литературоведение и лингвистика. Тула, 2003. С. 347–354.

I. Между Карениным и Вронским

[он – Каренин]

(1) «Я дурная женщина, я погибшая женщина, – думала она, – но я не люблю лгать, я не переношу лжи, а *его* (мужа) пища – это ложь...» (8, 2, XXVIII, с. 221).

(5) «Стива говорит, что он на все согласен, но я не могу принять его великодушие? – сказала она, задумчиво глядя мимо лица Вронского» (8, 4, XXIII, с. 461).

(6) «Мне говорят – развод. Во-первых, он не даст мне его. Он теперь под влиянием графини Лидии Ивановны» (9, 6, XXIV, с. 221).

[он – Вронский]

(2) «Так *он* будет! – подумала Анна. – Как хорошо я сделала, что все сказала ему» (8, 2, XXIX, с. 227).

(3) «Она не только не сказала того, что она говорила вчера любовнику, что *он* ее муж, а муж лишний; она и не подумала этого» (8, 4, IV, с. 386).

(4) «Помни одно, что мне нужно было одно прощение, и ничего, больше я ничего не хочу... Отчего ж *он* не придет? – заговорила она, обращаясь в дверь к Вронскому. – Подойди, подойди! Поддай ему руку» (8, 4, XVII, с. 438).

П. С Вронским

(7) «Одна и одна мысль неотвязно в разных видах преследовала ее. “Если я так действую на других, на этого семейного, любящего человека, отчего ж **он** так холоден ко мне?..”» (9, 7, XII, с. 286).

(8) «Мысли о том, куда она поедет теперь – к тетке ли, у которой она воспитывалась, к Долли, или просто одна за границу, и о том, что **он** делает теперь один в кабинете, окончательная ли это ссора, или возможно еще примирение, и о том, что теперь будут говорить про нее все ее петербургские бывшие знакомые, как посмотрит на это Алексей Александрович, и много других мыслей о том, что будет теперь, после разрыва, приходили ей в голову, но она не всею душою отдавалась этим мыслям» (9, 7, XXIV, с. 328).

Не случайно первое курсивное выделение автор сопровождает метатекстовым комментарием, обращая читательское внимание на то, что местоимение заменяет слово *муж* (1). Это – первый «тревожный звонок».

Отметим, что, как и в приведенных выше размышлениях Степана Аркадьевича, в речи Анны (2) *он* относится то к мужу, то к любовнику: с помощью местоимения *он* обозначен Вронский, с помощью местоимения *ему* – Каренин.

Два центра, два мужа, два Алексея... И тот, и другой – *он*.

Он – нарушитель спокойствия, человек «извне». Сначала это ставший вдруг чужим Каренин (1), затем еще чужой Вронский (2), (3), (4), после – уже чужой законный муж (5), (6), и наконец – охладевший (как, во всяком случае, видится Анне) любовник (7), (8).

После того, как противостояние между Карениным и Вронским (I) закончилось, Вронский становится чужим уже не на фоне Каренина, а в сравнении с *другими* (II). Это знаменует «начало конца», утрату единственного «центра», оставшегося у Анны и заменившего ей остальной мир. (В письмах Толстой предостерегал: «Не меняйте мир на человека».) В последней ситуации *он* относится к Вронскому, в то время как Каренин уже просто *Алексей Александрович* (8).

Очевидно, что приведенная таблица – далеко не лучший способ структурирования художественного пространства толстовского романа, хотя в какой-то мере она позволяет проследить соотношение внутренних голосов Анны. Однако и иные попытки «геометрии курсива» отражают некий «зигзаг» – перелом в судьбе, излом. Важно, что «точками трагизма»¹² в данном случае является выделенное курсивом слово.

Он – нерешенный вопрос, мучительный, мешающий нормальному течению жизни. И вместе с тем *он* – уход от проблемы, неопределенность вместо точного обозначения, ясного ответа на вопрос, кем приходится этот человек.

Отметим, что курсивное выделение и в других случаях подчеркивает трудности в выборе подходящего слова. Так, в беседе с Константином Левиным Анна, уже поселившаяся с Вронским в ожидании развода с мужем, чувствует неопределенность своего положения и особенно тщательно подбирает слова:

– ...Граф Алексей Кириллыч очень поощрял меня – (произнося слова *граф Алексей Кириллыч*, она просительно-робко взглянула на Левина, и он невольно отвечал ей почтительным и утвердительным взглядом) – поощрял меня заняться школой в деревне (9, 7, X, с. 281).

Анализ авторского курсива во «внутреннем диалоге» Анны Карениной позволяет утверждать, что любовник оставался для нее чужим довольно долго: и во время скачек, и во время объяснения Анны с мужем, и в то время, когда Анна ждала ребенка Вронского, и во время болезни после рождения этого ребенка. Ставший вдруг чужим муж столь же долго оставался, вероятно, близким. Здесь, казалось бы, кроется определенное противоречие. «Отчуждение» Каренина и Вронского в некоторых сценах может показаться не совсем органичным – с точки зрения сочувствующего Анне читателя. Но не с точки зрения художественно-этической системы Л. Толстого.

Как было показано выше, актуализация семы 'чужой' в местоимении *он* вытекает из авторской логики. Важно также учесть, что в романе «Война и мир» собирательно-указательное значение местоимения *он* вызвано «запретом, табу на слово *враг, неприятель*»¹³. Вполне вероятно, что Л. Толстой повторил этот способ лексикализации местоимения в качестве художественного приема. Таким образом, курсивное выделение оказывается явным способом выражения авторской позиции. Это подтверждает бахтинский тезис о «монологичности» мира Толстого: «Монологически наивная точка зре-

¹² По выражению В.И. Тюпы, «магнитные» точки трагизма пронизывают весь роман Л. Толстого. См.: Тюпа В.И. Указ. соч. С. 145.

¹³ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 260.

ния Толстого и его слово проникают повсюду, во все уголки мира и души, все подчиняя своему единству»¹⁴.

Подведем итоги. Авторский курсив в романе Л. Толстого «Анна Каренина» полифункционален, поскольку 1) сигнализирует о развитии ситуативного лексического значения у местоимения 3 лица; 2) маркирует внутренний диалог героини и вместе с тем 3) выражает авторскую точку зрения.

Одно, только одно слово может служить знаком неблагополучия, душевной боли, внутреннего конфликта и стремления его преодолеть. Выделенное авторским курсивом местоимение, малая частичка графической ткани текста «Анны Карениной» – яркий элемент полифонии в романе Л. Толстого.

---

¹⁴ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 53.